

Документальный фильм о дебюте почти забыт, поэтому много писать не буду. Помню только, как Сынхён и Джиён соревновались, а потом кого-то отчислили и он вернулся.

Эй, не усложняйте задачу автору, писать ради страданий я не буду.

К тому же этот текст изначально не задумывался как мрачный, здесь больше радости и романтики. Автор пишет по велению сердца, так что давайте не будем втягивать реальность, просто спокойно напишем и прочитаем текст, окей?

И раз уж я так усердно работаю, может, вы чаще будете появляться в комментариях, чтобы придать мне уверенности...

Испытания перед дебютом продолжались, и тяжёлое давление давило на каждого. Каждую пятницу нужно было записывать видео для показа директору, что становилось самым напряжённым моментом для семёрки.

Сезон менялся, и голоса у всех были не в лучшем состоянии, включая Квон Джиёна. Когда он услышал, что Чан Хёнсон и Кан Тэсон хотят перезаписать, то выступил против, считая это несправедливым по отношению к остальным.

За утренним столом Син Ми явно чувствовал напряжение, но промолчал.

Многие вещи имеют две стороны, и нельзя сказать, что хорошо или плохо. У Чан Хёнсона и Кан Тэсона были свои причины для перезаписи, а у Квон Джиёна как лидера была своя причина выступить за справедливость.

После просмотра еженедельного видео комментарии Ян Хёнсока передавались через Ли Бохён.

Когда речь зашла о Син Ми, её выражение лица явно изменилось, она явно сомневалась, глядя на Син Ми, сидящего в капюшоне рядом с Ли Сынхёном, и с трудом улыбнулась, но всё же сказала:

— Син Ми... В плане пения он действительно улучшился, но, как говорилось при поступлении в компанию, во всём остальном дела обстоят очень плохо. Хотя в видео есть прогресс, это всё равно вызывает разочарование.

Ян Хёнсок:

— Про Син Ми... Я видел его ещё в детстве, и его голос тогда действительно трогал сердце. Но по многим причинам тогда он не смог стать стажёром.

— Поэтому, когда я снова увидел его в YG, был шокирован. При поступлении я сказал ему, что кроме голоса у него всё в полном беспорядке, это было очень сурово. Но я надеялся, что он

будет стараться. Однако, посмотрев видео, хотя он и выделяется, я чувствую, что возлагал на него слишком большие надежды. Как и с их выступлением на концерте SE7EN, слишком большие ожидания привели к разочарованию. Надеюсь, он сможет раскрыть что-то новое...

Выслушав слова Бохён, Син Ми долго молчал. Он не мог выразить свои чувства. Хотя его ещё не отчислили, он чувствовал, что его уже списали. Будучи чувствительным, он понял скрытый смысл слов Ян Хёнсока. Он был лишним среди тех, кто готовился к дебюту.

Те дни, когда он обливался потом. Дни, когда он стискивал зубы и продолжал бороться. Смутная, но ясная боль в одно мгновение окутала его сомнениями.

Я... лишний?

Не уйдя с остальными, Син Ми, несмотря на обеспокоенные взгляды Ли Сынхёна и других, остался один в тренировочном зале.

Выражение лица Бохён и слова директора продолжали звучать в его голове. Син Ми споткнулся в танце, потерял равновесие и упал на пол. Боль, не смягчённая ничем, немного протрезвила его. Он сел, скрестив ноги, и глядел на своё потное лицо в зеркале. Медленно натянул капюшон и просто сидел, уставившись в пустоту.

Продолжать? Должен ли я продолжать? Я... самый никчёмный...

Син Ми закрыл лицо руками и опустил голову. Усталость и сомнения кружили его разум.

Всё ещё не получается? Всё ещё недостаточно? Что... мне делать?

Взгляды в школе: «Смотри, Ли Сынхён и их танцевальная группа снова взяли этого толстяка. Он вообще умеет танцевать? Это просто... больно смотреть, он лишний».

Как бы он ни старался игнорировать.

Комментарии зрителей в программе «Миф»: «Такой ребёнок вообще может мечтать стать артистом?»

Как бы он ни терпел.

Взгляды других в программе «Миф»: «Его присутствие на сцене портит общее впечатление, даже если у него хороший голос».

Как бы он ни старался.

— Кроме голоса у тебя всё в полном беспорядке.

Отрицание никогда не прекращалось.

Но...

— Это твой выбор, и я верю в тебя. Но помни, раз уж ты решил, ты должен идти до конца.

Син Ми крепко сжал губы, перед глазами мелькали бесчисленные лица.

Это было его решение, мечта, укоренившаяся с детства. Поэтому, как бы смешно это ни казалось другим, сколько бы странных взглядов он ни получал, он никогда не отступит. Потому что это его собственное решение.

К тому же он уже перерос возраст, когда можно было просто убежать. Как в детстве, когда он столкнулся с уходом матери и правдой о том, что его родители не были биологическими, он выбрал спрятаться в своей скорлупе, отвернувшись от внешнего мира. Но, к счастью, он вырос в окружении любящей, почти балующей семьи, и постепенно снова принял этот мир.

И на этот раз, выбранный им путь, он должен пройти сам, не полагаясь на семью.

Син Ми опустил руки, медленно поднялся с пола и, глядя в зеркало, увидел свои глаза, которые казались острыми из-за концентрации.

Я никогда не буду жить под чьими-то комментариями, задыхаясь. Это и есть причина, по которой я продолжаю идти.

Музыка снова заиграла. Сняв толстовку, Син Ми в майке продолжил танцевать, повторяя движения, которые уже делал сотни раз. Он пристально смотрел в зеркало, следя за своими выражениями и движениями, затем снова исправлял их. Снова и снова, будто не чувствуя усталости. Потому что в его сердце было что-то важнее усталости.

Вера и непоколебимое упрямство.

Квон Джиён, несмотря на дискомфорт в горле, закончил запись и вышел из студии. Проходя мимо тренировочного зала с Ли Бохён, она удивилась:

— Эй, почему свет ещё горит? Кто там?

Услышав это, Джиён подошёл к двери зала и через полупрозрачное стекло увидел худенькую фигурку.

Ли Бохён прикрыла рот рукой:

— Он ещё не ушёл? Син Ми?

Джиён ничего не сказал, лишь обратился к ней:

— Нуна, спустись в машину и подожди меня, я скоро приведу этого парня.

— Хорошо, — Бохён ещё раз взглянула внутрь, кивнула Джиёну и ушла.

Джиён дождался, пока она исчезнет в конце коридора, затем повернулся, открыл дверь и тихо вошёл. Громкая музыка и звук шагов по полу — ребёнок был полностью поглощён тренировкой.

Джиён вошёл, закрыл за собой дверь и, скрестив руки на груди, стал наблюдать.

Он смотрел внимательно, потому что тренирующийся был предельно сосредоточен. Даже если он уже выглядел измождённым, он не собирался останавливаться. Его упрямство было поразительным. Такая неиссякаемая сила.

Джиён особенно обратил внимание на глаза Син Ми. Эти глаза, обычно мягкие, теперь были яркими и острыми. Даже его улыбка, казалось, излучала что-то, что вызывало дрожь. Невозможно было не поддаться его энергии.

Глядя на Син Ми, он почувствовал, как в его сердце зарождается что-то новое. И это чувство было далеко не спокойным.

Это... было целью Хёнсока?

В Син Ми действительно есть что-то, что он сам ещё не осознал.

И это именно то, что хотел Ян Хёнсок.

Джиён выключил музыку, и Син Ми, удивлённый, обернулся. Тогда Джиён сказал:

— Ладно, на сегодня хватит. Твоё тело больше не выдержит.

Син Ми, тяжело дыша, всё ещё находился в состоянии возбуждения, но понимал, что Джиён прав, и кивнул. Надевая одежду, он не ожидал, что Джиён подойдёт, снимет свою вязаную шапку и наденет её на него.

— Ты так вспотел, если выйдешь на улицу, простудишься. Не время для этого.

Пока Син Ми стоял в оцепенении, Джиён аккуратно поправил шапку, затем, довольный, улыбнулся и повернулся к выходу.

— Пойдём, Бохён-нуна ждёт внизу.

Услышав шаги Син Ми, догоняющего его, Джиён слегка улыбнулся.

Не знаю, почему мне так приятно.

Такое чувство... неплохо.

Кажется, быть добрым к этому ребёнку — как заботиться о маленьком животном. В его шапке, с маленьким лицом и слегка ошеломлённым выражением, Джиён не смог сдержать улыбки.

Ладно, он действительно... очень милый.

<http://bllate.org/book/15544/1382942>